

Киктенко Валерия Владимировна,
студент, СКФУ, Ставрополь

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МИФОВ О РУССКИХ КЛАССИКАХ В РОМАНАХ В.О. ПЕЛЕВИНА

Аннотация: Статья посвящена исследованию репрезентации мифов о русских классиках — Л.Н. Толстом и Ф.М. Достоевском — в поэтике романов В.О. Пелевина «t» и «Числа». Автор рассматривает художественные формы реализации выше обозначенных мифов и особенности воплощения их аксиологии и гносеологии в сложной системе постмодернистской иронии и деконструкции, свойственной пелевинскому творчеству.

Ключевые слова: мифологизация, постмодернизм, интертекстуальность, биографический миф.

В романе «t» В.О. Пелевина в первую очередь, обращает на себя внимание противопоставление романских образов Толстого и Достоевского. Известно, что классиков разделяли расхождения в религиозных взглядах, в частности, в отношении к восточным религиозным учениям и философским системам. Толстой проявлял интерес к буддийским и индуистским концепциям, что подтверждается его перепиской с Махатмой Ганди. В свою очередь, Достоевский придерживался традиционных православных убеждений.

Н.А. Бердяев в своих трудах акцентировал внимание на различиях в когнитивных парадигмах двух выдающихся классиков: «Меня всегда отталкивал грубый толстовский рационализм, и я всегда думал и продолжаю думать, что мировоззрение Л. Толстого не христианское, скорее буддийское. Мне всегда был ближе Достоевский» [1]. В качестве иллюстрации данного противопоставления в произведении В.О. Пелевина можно привести сцену с ламой, духовным наставником, который оказывает помощь графу Т. в процессе самопознания. В то же время, Фёдор Достоевский демонстрирует по отношению к ламе явное презрение, что свидетельствует о различии в их мировоззренческих позициях: «— Ты чего здесь делаешь, косоглазый? — спросил Достоевский. Лама не ответил, только попятился, и в его глазах появилась опаска. — Ну, я тебе покажу, — пробормотал Достоевский и одним прыжком выскочил из окопа» [2].

На фоне графа Т. образ Достоевского в романе представляется более сдержанным и замкнутым. Примечательно, что граф Т. появляется в произведении Достоевского с Запада, в то время как функция героя-Достоевского в новом игровом проекте, инициированном группой писателей, заключается в противодействии негативному влиянию Запада. Таким образом, встреча Достоевского с графом Т. символизирует столкновение двух культурных парадигм, что находит отражение в их взаимодействии: «— А знаете, хорошо, что мы встретились. Меня всегда занимал вопрос, долго ли боевое искусство графа Т. выстоит против моего топора. Вот только проверить это не было возможности... Т. улыбнулся. — Я ведь тоже кое-что про вас слышал, Федор Михайлович. Некоторые даже считают вас непобедимым. Возможно, в этом городишке вам действительно нет равных... К вашим услугам» [2].

В романе представлены отношения между писателями и властью, где образ Победоносцева олицетворяет власть. Это противопоставление базируется на реальных исторических взаимодействиях обер-прокурора с представителями литературного сообщества. Как известно, Победоносцев поддерживал дружеские отношения с Фёдором Михайловичем Достоевским, в то время как Лев Николаевич Толстой воспринимался им как еретик и как лицо, угрожающее традиционным христианским ценностям.

В контексте романа граф Т. также демонстрирует сложные взаимоотношения с представителями власти. Победоносцев рассматривает графа как угрозу и потенциального еретика, что приводит к стремлению устранить его. В то же время, отношение Победоносцева к Достоевскому характеризуется заботой и пониманием: «Победоносцев тем временем посадил Достоевского на табурет возле окна и принялся, глядя его по руке, говорить ему в ухо что-то ласковое. Он говорил тихо, но многое Т. все-таки слышал: —

Душа у тебя живая, Феденька, просто скорбит. Все как подвиг зачтется. А помолишься, так и желтуха пройдет... Живая она, живая, не думай даже...» [2].

Обратим внимание на то, что с первых страниц читателю становится очевидно, что действия Достоевского обусловлены исключительно коммерческими интересами, и этим аспектом занимаются специалисты в области маркетинга. Ариэль, один из создателей графа Т. в данном романе, задает вопрос, который представляется весьма обоснованным и актуальным:

«Чем Достоевский-то лучше? Тем более, что это такой же Достоевский, как вы Толстой» [2]. В данной фразе содержится импликация о том, что в контексте романа образы Толстого и Достоевского представляют собой симулякры, не обладающие референцией к реальным личностям этих писателей. В постмодернизме персонажи зачастую выступают как воплощения идей, а не как уникальные индивиды с присущими им гражданскими статусами и сложными социальными и психологическими характеристиками.

Следует отметить, что восприятие современной читательской аудиторией классических произведений литературы подвержено влиянию доминирующих тенденций массового сознания и стереотипизации:

«Маркетологи говорят, сегодня граф Тостой интересен публике только как граф, но не как Толстой. Идеи его особо никому не нужны, и книги его востребованы только по той причине, что он был настоящим аристократом и с пеленок до смерти жил в полном шоколадном гламуре» [2].

Роман В.О. Пелевина «Числа» (2003) представляет собой яркий пример интертекстуальности в области литературной жанрологии. Она отражена, прежде всего, своей внутренней разновидностью. Это свидетельствует о том, что данное произведение является своего рода итогом всего предшествующего творчества писателя.

Помимо этого, в литературном произведении, где числа играют ключевую роль, можно выделить значительное количество аллюзий, в том числе и на образы героев произведений Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. В романе Ф.М. Достоевского «Бесы» образ капитана Лебядкина, претерпевшего ряд трансформаций, приобретает черты офицера Федеральной службы безопасности.

Некоторые аллюзии иллюстрируют, как, опираясь на ограниченные школьные знания, Степа идентифицирует себя с героями классической литературы, стремясь обрести моральный ориентир. Будучи причастным к гибели Сракандаева, Степа проводит параллели с персонажем Достоевского и размышляет о возможности покаяния: «Но что теперь оставалось делать? Раскольников в похожей ситуации пришел к людям, чтобы сказать: «Это я убил». Степа мог бы, конечно, выйти на ступени перед памятником Достоевскому, надеть грязные сракандаевские уши и зареветь на всю площадь: „И я! И я! И я!“» [2]. Переосмысление известной сцены из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в бурлескном ключе сопровождается аллюзией на идентификацию погибшего, который был известен под прозвищем «Ослик Семь центов».

В другом эпизоде Степа устанавливает ассоциацию с персонажем Аленой Ивановой, процентщицей из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Эта ассоциация, вероятно, обусловлена профессиональной деятельностью обеих персонажей, так как Степан является банкиром.

В заключительной части романа Виктор Пелевин формирует стереотипный образ, который можно охарактеризовать как толстовский символ: «Степа улыбнулся и вдруг почувствовал себя толстовским дубом, старым деревом из «Войны и мира», которое просыпается к жизни после зимней спячки, чтобы вновь зазеленеть в тысячах школьных сочинений» [2].

Помимо этого, в тексте образ Л.Н. Толстого представлен как критика потребительства и стремления к обогащению. В своих произведениях Толстой неоднократно выражал критику по отношению к материальной обеспеченности и социальному статусу, что проявляется в мифологеме «опрощения». Эта мифологема находит отражение во внутреннем конфликте главного героя, Степана, который, с одной стороны, стремится к достижению успеха в предпринимательской деятельности, а с другой стороны, испытывает чувство духовной пустоты.

Образ Ф.М. Достоевского в тексте реализуется через отсылки к его литературному наследию, где писатель выражает свои этические и моральные принципы. Ощущение Степаном отчуждения от окружающего мира, несмотря на его материальное благополучие, перекликается с концепцией «подпольного человека» в произведениях Достоевского. Кроме того, его жизненный путь, включающий многочисленные испытания и трудности, которые заставили его переосмыслить свои ценности и жизненные приоритеты, можно сопоставить с темами страдания и искупления, которые занимают центральное место в творчестве Достоевского.

Таким образом, в произведении «Числа» В.О. Пелевина персонажи оказываются в плену собственных когнитивных искажений, которые создают иллюзорную реальность, насыщенную симулякрами. В этой искусственно сконструированной среде они подвергаются духовной деградации, что приводит к постепенному стиранию границы между подлинными духовными ценностями и ложными материальными.

Для достижения целостного отражения данной картины автор применяет разнообразные художественные приемы, включая использование образов Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. Эти образы не являются просто декоративными элементами, а способствуют раскрытию внутреннего конфликта главного героя и его мировоззренческих исканий. Интеграция данных знаковых фигур позволяет Пелевину углубить философскую основу романа и придать ему дополнительное смысловое многообразие.

Список литературы:

1. Бердяев Н. 1994. Лев Толстой. — Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Т.2. В 2-х т. М.: Искусство.
2. Пелевин В. О. t: роман / В. О. Пелевин. — Санкт-Петербург: Азбука- Аттикус, 2017.
3. Пелевин В.О. Диалектика переходного периода из ниоткуда в никуда: Избранные произведения / В. О. Пелевин. — М.: Эксмо, 2003.

